

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

МУЗЫКА
ЖИЗНИ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-5
Р 99

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-20061-6

© Э. А. Рязанов, наследник, 2021
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, что работа любит дураков. И я рад, что принадлежу к этой категории человечества.

Моя главная профессия — кинорежиссер. Не буду рассказывать о своих лентах. В кинематографе у меня сложилась счастливая судьба, и многие из вас, вероятно, видели немало игровых кинокартин, которые я поставил. Нормальному человеку этой иссушающей душу и тело профессии хватило бы с головой. Но мне этого показалось недостаточным, и я занялся еще и литературным трудом. Поначалу вместе с Эмилем Брагинским мы писали сценарии для кино, повести для чтения и комедии для театра, а потом я отделился и стал сочинять на бумаге в одиночку. Но двух профессий тоже оказалось маловато, я еще полез и на телевидение. Популярной программе «Кинопанорама» я отдал семь лет жизни — с 1979 по 1986 год. Да и сейчас, бывает, выпускаю на ТВ свои авторские программы. Кроме того, время от времени я преподаю на высших режиссерских курсах, и несколько моих учеников сделали удачную кинокарьеру: Ю. Мамин,

И. Дыховичный, И. Фридберг, Е. Цымбал, В. Мустафаев. А если упомянуть встречи со зрителями, выступления в печати и спорадически возникающую общественную активность, то перед Вами, дорогой Читатель, предстанет образ ненасытного честолюбивого трудяги. Этот тип и в отпуск уходит только для того, чтобы набраться сил для дальнейших подвигов на ниве работы, а отнюдь не для удовольствия, не для кайфа, не для улады. А ведь помимо трудовой деятельности, существуют и домашние заботы, проблемы у близких, хлопоты за друзей, болезни и прочие житейские неприятности и, большей частью, неприятности. Поэтому главный дефицит для меня — нехватка времени. Порой приходится разрываться на куски, чтобы успеть сделать все намеченное. Конечно, я — жертва собственного характера, и в книге вы найдете немало стихов на эту тему.

А теперь о стихах...

Параллельно с многочисленными и разнообразными занятиями и обязанностями существовало во мне что-то вроде внутреннего монолога или, если хотите, стихотворного дневника. Нормального дневника — ежедневных записей о делах, мыслях и чувствах, я, к сожалению, никогда не вел, и теперь многое, что хорошо бы воскресить, забыто. И вероятно, навсегда! Но остались стихи, в какой-то мере восполняющие этот пробел. В них фиксировалось то, что не находило

себе места, да и не могло найти, в сценариях и фильмах. Кинематографу подвластно все, он может передавать любые оттенки и нюансы движения человеческой души. Но режиссер создает произведение с помощью писателя, актеров, оператора, художника, композитора. Любой фильм — своеобразный сплав дарований или бездарностей. Да, примат режиссера несомненен. Недаром ленты называют именем режиссера — фильм Рене Клера или Сергея Эйзенштейна... И тем не менее каждая кинокартина — коллективное детище.

Наверное, мучительное желание высказаться о личном, только своем, стремление поделиться чем-то заветным, жажда исповеди и побудили меня к стихотворству. Исповедальность — то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. Превосходит ее разве что музыка. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умении заглянуть в человеческие глубины — наверное, суть поэзии. И конечно, при этом очень важна форма — гармония рифм, ритмов, а также сочетания, столкновения обычных, стертых слов, от которых к ним возвращается их перво-родное значение. Истинная поэзия всегда музыкальна, в ней существует некое звуковое волшебство... Я достаточно критически отношусь к своим поэтическим опусам, но они — мои, они

выражают мои мысли и чувства и, собственно говоря, больше ни на что не претендуют.

Эта книжка — наиболее полный сборник моих стихов. Если Читателю покажется, что книжка местами чересчур грустна, то пусть он вспомнит, что жизнерадостные и веселые свойства натуры я тратил в это же самое время на создание комедий для кино и театра и там, очевидно, подрастратил свой смеховой запас. Правда, и для стихов тоже кое-что осталось. Если же Читателю покажется, что книжка местами носит чересчур личный, интимный характер, то пусть он вспомнит, что гражданские взгляды были отданы мной в тот же отрезок времени кинематографу, телевидению, театру, публицистике.

Время от времени в ткань этого поэтического сборника будут вкрапливаться небольшие прозаические новеллы, рассказывающие о разных событиях, о судьбе стихов. В общем, то, что осталось за рамками моих поэтических попыток...

Итак, в добрый путь, дорогой Читатель!

Эльдар Рязанов

* * *

*В трамвай, что несется в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями — толкотня.
И места там нет для меня.*

*В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже, и тесно.
Нацелился было вскочить,
да черт с ним, решил пропустить.*

*А этот трамвай до Ордынки.
Я впрыгну в него по старинке,
повисну опять на подножке
и в юность вернусь на немножко.*

*Под лязганье стрелок трамвайных
я вспомню подружек случайных,
забытых товарищей лица.
И с этим ничто не сравнится!*
Сентябрь 1986

ДВЕ ВСТРЕЧИ С КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

Лет в шестнадцать я начал писать стихи. Поэтический зуд не являлся следствием каких-то особых переживаний или небывалого личного опыта. Скорее всего, причиной этому было мужское созревание, интерес к другому полу, типичные для юного возраста мысли о бренности всего земного, о быстротечности жизни. Стихи я писал, конечно, не самостоятельные. Да и откуда ей было взяться-то, самостоятельности?! Сочиняя, я невольно подражал. Что любопытно, подражал высоким поэтическим образцам в той хронологической последовательности, в какой поэты располагались в истории литературы. Начал, стало быть, с имитации Пушкина. Его стихотворные размеры, рифмы, интонации, обороты речи преобладали в самых первых моих опытах. Причем процесс подражания и смены поэтических кумиров происходил бессознательно, я им не управлял. Сначала сами собой получались стихи «под Пушкина». Через месяц-другой я принимался строчить «под Лермонтова».

Разница заключалась скорее в тематике, нежели в форме. Темы стихотворений становились безысходней, тоскливей. Влияния Некрасова я почему-то избежал. Как-то случилось, что я прошел мимо его «кнута иссеченной музы». Зато надолго (аж месяца на два!) застрял на Надсоне. Вот что оказалось близко невероятно — горькие, печальные строчки, которые к тому же оказались и пророческими: поэт умер двадцати трех лет. Постоянные стихотворные упражнения, кое-какой появившийся опыт давали себя знать — поэтический слух становился тоньше. Отныне моим воображением прочно и надолго завладел Сергей Есенин. 1943–1944 годы, война — поэт со своей кабацкой тоской был в опале. Его уже много лет не переиздавали. Книг Есенина было невозможно достать, стихи ходили в рукописных списках. Я отчетливо помню, как в 1944 году впервые проглотил «Черного человека». Эта поэма считалась особенно опасной, и поэтому читали ее тайком, не распространяясь о прочитанном. Примерно так же много лет спустя — в шестидесятых, семидесятых — мы знакомились с «самиздатом» или книгами эмигрантских издательств. Вскоре к Есенину присоединилась Анна Ахматова, на которой тоже лежала печать официального проклятия. Так что подражания стали более сложными. Стихи я писал очень неумелые, как правило пессимистические и всегда

бездарные. Но это я понимаю сейчас. Тогда же мои вирши казались мне изумительными. Каждый новичок, когда видит, что у него вроде все получается как у людей, преисполнен восхищения самим собой. Как часто молодой режиссер, глядя на свои первые экранные опыты, погружается в эйфорию. Подумать только — актеры двигаются, их видно, слышно, что они произносят, кадры склеены между собой. И у автора возникает ощущение чуда: это он смастерил кино, сделал фильм! И видно, и слышно, — словом, все как у людей! А это всего-навсего азы ремесла, которые к искусству пока еще никакого отношения не имеют.

К сожалению, потерялась заветная тетрадка с моими юношескими опытами. Думаю, если бы я их сейчас почитал, сильно бы потешался. Но некоторые строчки помню.

Я на земле случайный посетитель!
Зашел и вышел — мне далекий путь.
Родная! Вы такая же! Поймите!
Пока есть время, можем мы кутнуть!

Смахивает на пародию. Тут все заемное: мысли, чувства, с позволения сказать, образы. Признаюсь, я был нищ невероятно, и кутнуть мне, в общем-то, было не на что. Так что это заявление не имело под собой никакой реальной почвы. А как вам такой загиб, случайный (обожателем Маяковского я не был никогда):

— Я сегодня
не настроен
на лад философский.
Радость сжата лапою ледяною:
Я измочален
тоскою
чертовскою,
Но все равно
я пою, а не ною!

Конечно, это надо печатать лесенкой. Чтобы было совсем как у Владимира Владимировича.

Я был плодовит, и вскоре у меня образовалась довольно толстая тетрадка стихотворений. Приятелям они, естественно, нравились, но я жаждал услышать профессиональное мнение из уст какого-нибудь знаменитого поэта. Самым знаменитым поэтом в 1944 году был, конечно, Константин Симонов.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...

...Так убей же его хоть раз,
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!..

Если был в те дни поэт, рожденный военным временем и наиболее полно выразивший это время, — конечно же, это был Константин Михайлович. Ему тогда исполнилось 30 лет, если вдуматься, совсем молодой человек. В стране,

пожалуй, нельзя было найти жителя, который не знал бы имени Симонова, его стихов, его любви к Валентине Серовой, не любил бы мужской интонации его стихотворений.

На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми врывались в города...

Конечно, стихи надо было показывать ему, и только ему. И я принялся за поиски. Не помню уж, каким способом (никаких знакомств в мире литературы и искусства у меня не было!) я раздобыл номер его телефона. И вот я начал регулярно названивать по этому номеру, пока наконец, на седьмой или на десятый день, не откликнулся мужской картавый голос. Это был Симонов. Я объяснил, кто я такой, рассказал, что только окончил десятый класс, пишу стихи, и мне очень хочется показать их ему. Без особого сопротивления Симонов согласился почитать мои опусы. Сейчас я поражаюсь, как это он не увильнул и не отфутболил меня в редакцию какого-нибудь толстого журнала. Может быть, ему была еще внове его неслыханная популярность. Может быть, во время коротких визитов в Москву с линии фронта и из других поездок его еще не допекали многочисленные графоманы. Не знаю. Об этом можно только гадать. Короче, Константин Михайлович сообщил мне адрес, и я понес ему свою

заветную тетрадочку. Жил Симонов в ажурном, «кружевном» доме, что напротив нынешней гостиницы «Советская» на Ленинградском проспекте. Там у него, по-моему, была одна комната в коммунальной квартире. Я вручил ему стихи. Мне велено было явиться через неделю.

Через неделю — это была середина лета 1944 года — шел к Симонову от метро «Белорусская». Может быть, у меня в памяти спутались два события, а может, так и было, но в тот день по Ленинградскому шоссе по направлению к центру вели нескончаемую колонну пленных немцев. А я шел навстречу мимо небритых, оборванных, поникших, побежденных фашистов, шел к самому знаменитому поэту нашей страны — первому читателю моих — я в этом был уверен — замечательных стихов. Близился конец войны. Я намеревался поступать в Одесское мореходное училище. Короче, победные трубы гремели в моей душе.

Разговор со знаменитым поэтом оказался кратким. Симонов был учтив, но тратить много времени на меня почему-то не пожелал. Он призывал меня к самостоятельности, сказал, чтобы я перестал подражать другим поэтам, высказал новую для меня в то время мысль, что стихи должны быть неповторимыми и выражать личность автора. А я тогда даже не подозревал об этой истине. Заинтересованности во мне он не

проявил никакой и быстро выпроводил за дверь, не забыв всучить обратно мою бесценную рукопись. Но Симонов был вежлив, интеллигентен и ничем не выказал недоброжелательства или пренебрежения.

Помню, что ушел от него без малейшей обиды, без ущемленного или оскорбленного самолюбия, хотя он не сказал о моих стихах ни одного доброго слова. И потом, несмотря на нелестный отзыв, я продолжал думать о Симонове с восхищением и еще несколько лет очень почитал его как выдающегося стихотворца.

А эту самую тетрадку с моими рифмованными разочарованиями в жизни я подал потом во ВГИК, поступая на режиссерский факультет. Там требовалось предъявить собственные литературные произведения. Несмотря на молодость, я понимал, что живу в очень идеологизированной стране. И сообразил, что пессимистическую лирику отдавать негоже: могу произвести неблагоприятное впечатление. Надо было подкрепить этот мрак чем-то советским, оптимистическим. И я быстренько накропал нечто патриотическое, смахивающее на стихи Константина Михайловича. И вставил в тетрадку. Во время собеседования на приемных экзаменах мастер — а им был Григорий Михайлович Козинцев — задал мне вопрос:

Очевидно, он спросил меня об этом потому, что я был моложе всех остальных поступающих — мне еще не исполнилось семнадцати. Я был шокирован и даже возмущен — почувствовал в козинцевском тоне некую снисходительность.

— Я для своих лет читал много, — парировал я. — Пушкина, Лермонтова... и вообще.

— Симонова, я вижу, вы тоже читали, — усмехнулся Козинцев, показав тем самым, что ознакомился с моим поэтическим «творчеством».

— И Симонова, — не почувствовав подковырки, подтвердил я. Я не понимал тогда, что высказывание Козинцева отнюдь не являлось похвалой...

А потом прошло много лет. В середине шестидесятых годов я поселился в том же поселке, где жил Симонов. Иногда мы встречались на улицах нашего дачного поселка, и я здоровался с ним. Он, как воспитанный человек, отвечал. Но я не был уверен, что он знает, кому отвечает на приветствие. Я тогда не вел телевизионных кинопанорам, и в лицо меня никто не знал. Короче, мы никогда не беседовали с Симоновым. Он сам в разговор со мной не вступал, а я навязываться не любил. А к знаменитостям относился особенно отчужденно. Самолюбив был всегда. Очень боялся, что меня могут заподозрить в подлипаль-

стве. Так жизнь и текла. Я снимал фильмы, а потом издал свою первую книгу «Грустное лицо комедии». И вдруг получаю письмо по почте, в конверте с маркой. Первое и последнее письмо от Константина Михайловича Симонова. На конверте мой адрес был напечатан на пишущей машинке, а само письмо написано от руки. Вот оно:

«Дорогой Эльдар Александрович, прочел Ваше „Грустное лицо комедии“, книгу, по-моему, очень хорошую, и захотелось сказать Вам то, что как-то все не приходилось сказать, хоть мы и соседи, что я видел все Ваши фильмы (кроме „Девушки без адреса“) и люблю их, и, судя по сказанному в Вашей книге, больше люблю те из них, которые больше любите Вы. Вот, собственно, и почти все. Кроме того, Вы делаете дело, которого я совершенно не умею делать, что, в то же время, не мешает мне чувствовать себя Вашим единомышленником в чем-то очень, особенно важном для Вас, для меня и для очень многих других людей, важном прежде всего в жизни, а затем уже и в наших профессиях.

От души желаю Вам всего самого доброго.

*Уважающий Вас
Константин Симонов
22. V. 78»*

18 Боже, как я был растроган! Получить похвалу от самого К. М. Симонова! От человека, с кото-

рым я практически не был знаком. Я никогда не бывал у него дома (кроме того давнего случая), он никогда не приходил ко мне, мы ни разу не встречались в каком-либо доме, в какой-нибудь компании. Я знал, как он дьявольски занят! Он писал книги, пьесы, делал документальные фильмы о войне и солдатах, телевизионные передачи, много помогал молодым писателям, просто людям, уйму времени отнимали разнообразными общественными обязанностями. Поэт, прозаик, драматург, публицист, киносценарист, редактор — он был всегда в работе, в деле, его трудоспособность изумляла и поражала. И вот такой загруженный сверх головы человек находит время не только прочитать мою книгу, но собственноручно прислать мне теплое, душевное письмо. Можете понять, почему я был так потрясен и взволнован.

Я тут же написал сердечное благодарственное письмо, копии которого, естественно, не сохранил. Мне как-то не пришло это в голову. Почему-то! А потом, в первом издании своей книги «Неподведенные итоги», я признательно упомянул о письме Константина Михайловича как об образце внимательного, хозяйского, заботливого отношения крупного писателя к коллегам, к судьбам нашего искусства. Я привел этот пример как эталон доброжелательства, неравнодушия и внутренней взыскательности. В той книге

я не цитировал письма К. М. Симонова, так как считал это нескромным, и привел его полностью сейчас не для того, чтобы похвастаться. Хотя, не скрою, мне было приятно прочитать его еще раз.

Мы так и не встретились с Константином Михайловичем. А потом он умер. Через несколько месяцев после смерти Симонова я натолкнулся в коридоре «Мосфильма» на Лазаря Ильича Лазарева. Лазарь Ильич занимал должность редактора журнала «Вопросы литературы». Писатель-фронтвик, крупнейший литературовед, умница, светлая, талантливая личность, автор замечательных книг — он был близким многолетним другом Константина Михайловича, а после его кончины входил в комиссию по литературному наследию Симонова. По-моему, даже являлся ее председателем.

— Разбирал сегодня переписку Константина Михайловича и наткнулся на его письмо к вам, — сказал Лазарев. — Приятное письмо.

— А что, Симонов снял с письма копию? — простодушно спросил я.

— Нет, копия у вас, — усмехнулся Лазарь Ильич. — А подлинник в архиве.

— Как? Этого не может быть! Я помню письмо. Оно написано от руки, — возразил я.

— У вас копия, сделанная на ксероксе, а оригинал я сегодня держал в руках, — настаивал

Придя домой, не без труда разыскал письмо К. М. Симонова.

Пощупал бумагу и убедился, что Лазарев прав. У меня был фотоснимок с письма!.. Тогда, в семьдесят восьмом, я даже не подозревал, что существует такая копировальная техника, как «ксерокс». И ничего не заподозрил.

Совершая свой замечательный бескорыстный поступок, Симонов отослал мне копию, а подлинник сразу же положил в архив.

На этот раз я был потрясен вторично! Какая же забота о вечности! Какая сосредоточенность на бессмертии! Какого же он был мнения о каждом своем шаге, если так старался сохранить его для истории! Не говорю уж о том, что он ни в грош не ставил меня!

Я даже вспотел от напряжения. Ну, в крайнем случае, оставил бы в своем архиве (ведь сохранилась бы!) копию, а адресату все-таки отослал бы подлинник. Это было бы по-людски. Какое тщеславие! Какая мелочность! А рядом щедрость и доброта! Как неоднозначны люди! И как мы, в сущности, мало знаем о них.

Р. С. Поостыв, я подумал: а может, это не сам Симонов так поступил, а его литературный секретарь, когда получила оригинал письма Константина Михайловича для отправки мне. «Пусть лучше подлинник останется в архиве писателя, а с адресата будет достаточно и копии», — поду-

мала, может быть, секретарь К. М. Симонова. Может быть! Не знаю. Не хочется неважно думать о Константине Михайловиче, удобнее так подумать о его литературном секретаре. И, кроме того, вся эта история с копией не стоит выеденного яйца по сравнению с его поступком — посылкой мне этого письма...

МУЗЫКА ЖИЗНИ

* * *

В мои годы сердечная лирика?
Ничего нет смешней и опасней.
Лучше с тонкой улыбкой сатирика
сочинять ядовитые басни.

Не давать над собой насмехаться,
тайники схоронить в неизвестность,
и о чувствах своих отмолчаться,
понимая всю их неуместность.

Иль, вернее сказать, запоздалость,
потому что всему свои даты...
Но идет в наступленье усталость,
и все ближе и горше утраты.

* * *

Меж датами рожденья и кончины
(а перед ними наши имена)
стоит тире, черта, стоит знак «минус»,
а в этом знаке жизнь заключена.

В ту черточку вместились все, что было.
А было все! И все сошло, как снег.
Исчезло, растворилось и погубло,
чем был похож и не похож на всех.

Погубло все мое! И безвозвратно.
Моя любовь, и боль, и маета.
Все это не воротится обратно,
лишь будет между датами черта.

МОНОЛОГ «ХУДОЖНИКА»

Прожитая жизнь — сложенье чисел:
сумма дней, недель, мгновений, лет.
Я вдруг осознал: я живописец,
вечно создающий твой портрет.

Для импровизаций и художеств
мне не нужен, в общем, черновик.
Может, кто другой не сразу сможет,
я ж эскизы делать не привык.

Я малюю на живой модели:
притушил слезой бездонный взгляд,
легкий штрих — глазищи потемнели,
потому что вытерпели ад.

Я прорисовал твои морщины,
в волосы добавил белизны.
Натуральный цвет люблю в картинах,
я противник басмы или хны.

Перекрасил — в горькую! — улыбку,
два мазка — и ты нехороша.

Я без красок этого добился,
без кистей и без карандаша.

Бликих раним походя, без смысла,
гасим в них глубинный теплый свет.
Сам собою как-то получился
этот твой теперешний портрет...

СОДЕРЖАНИЕ

Маленькое предисловие	5
«В трамвай, что несется в бессмертье...»	9
Две встречи с Константином Симоновым	10

МУЗЫКА ЖИЗНИ

«В мои годы сердечная лирика?...»	25
«Меж датами рожденья и кончины...»	26
Монолог «художника»	27
Листопад	29
«Существую в натуге...»	31
«Жизнь, к сожалению, сердита...»	33
«Мы отпускаем тормоза...»	34
«Я себе не выбрал для прожития...»	37
«Как много песен о любви к Отчизне!...»	39
Через десять лет	40
«У жизни нашей кратки сроки...»	41
Детские стихи о Рязанове, сочиненные им же самим	42
«Довелось мне поехать по белому свету...»	44
«Ржавые иголки на снегу...»	46
Детский рисунок	47

«Стихи — капризная материя...»	48
«Все я в доме живу...»	49
«Почему участь горькая выпала мне?...»	50
Память о Санкт-Петербурге	51
«Жизнь одного уложится в строфу...»	53
Абстрактная живопись	54
«Я в мир вбежал легко и без тревоги...»	55
Пляж в Ниде	56
Ноябрь	58
«Прошедший год был мною недоволен...»	60
Апрель	62
Бессонница	64
Музыка жизни	66
Ленивое	68
1985 год	70
«Жизнь скоро кончится... Меня не станет...»	72
«Хочется легкого, светлого, нежного...»	74
Зима	76
«Ветер закружился над деревней...»	78

БОТКИНСКАЯ ОСЕНЬ

Впервые	81
«Как будто вытекла вся кровь...»	82
Больница	83
«Вроде ссоры не было, заминки...»	85
Больничные частушки	86
312 «О, эта неуверенность в глазах...»	89

«Сто различных настроений...»	90
«Вроде и друзей довольно...»	92
Мои вещи. Триптих	93
Прощание	99
«Вышел я из стен больницы...»	100
«Есть тяжелая болезнь...»	103

СТИХ — СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Сумерки	107
Фаталист	109
«Стих — состояние души...»	110
«Я ничему так не бываю рад...»	111
Курортные прибаутки	112
«Пусть мы живем в доме чужом...»	114
«На могучей реке, полновластной...»	116
«Когда-то, в первой половине срока...»	118
Монолог кинорежиссера	119
«Когда повышенная влажность...»	121
«Живем мы на износ...»	123
Рабочая лошадь	124
«Почти обшарен шар земной...»	126
«Вроде бы люди умирают не сразу...»	128
«Пора поставить все на место...»	129
Постаревшему другу	130
«Я, к сожаленью, в чем-то недоразвит...»	131
«Ты как дом с пооблезшим фасадом...»	133
«Я желал бы свергнуть злое иго...»	135

«Оцепенелая зима!...»	136
Автопортрет	137
После фильма	138
«Я, к горести своей, не знаю предков...»	139
Короткометражки	140
Ветер	144
«Где Камергерский встретился с Тверскою...»	146

МОИ ПЕСНИ

Музыка — моя симпатия	149
Из кинофильма «Дайте жалобную книгу»	
Песенка корреспондентов	155
Песенка о песенке	157
Из кинофильма «Служебный роман»	
«У природы нет плохой погоды...»	158
«На пристани начертано...»	160
«Нам снится, будто мы живые...»	162
Из кинофильма «Вокзал для двоих»	
«Живем мы что-то без азарта...»	163
Из кинофильма «Жестокий романс»	
Романс Ларисы	165
«Все тороплюсь, спешу, лечу я...»	167
Из кинофильма «Забытая мелодия для флейты»	
«Мы не пашем, не сеем, не строим...»	168
Из кинофильма «Привет, дуралеи!»	
Любовь	170
314 «Как много дней, что выброшены зря...»	171

Романс из кинофильма «Небеса обетованные»	
Молитва	173
Из кинофильма «Предсказание»	
Романс	175
Из кинофильма «Старые клячи»	
«Мчатся годы-непогоды...»	177
Романс из кинофильма «Старые клячи»	
Последняя любовь	179
Из кинофильма «Старые клячи»	
Песня на суде	180
Вариант песни для кинофильма «Старые клячи»	
«Дороже всего...»	182
О подлых обманах композитора Петрова	
Новелла	184
О композиторе Саше Блохе	192
В соавторстве с Александром Галичем	195

НЕ МНОЖУ Я ЧИСЛО ДРУЗЕЙ

Сверстнику	203
«Сон — это жизни продолженье...»	205
«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу — кто ты!..»	206
«Как пробиться к такому стиху...»	207
«Когда я просто на тебя смотрю...»	208
Встреча	210
На отдыхе	213
Монолог участника массовых съемок	215

«Воспоминанья зыбки, хрупки...»	218
«Не множу я число друзей...»	220

ТОЛСТЫЙ И ТОНКАЯ

Несостоявшийся мюзикл	223
Толстый и тонкая	
Заявка на комедийный сценарий	224
Песни из неосуществленного мюзикла	
Песенка о надежде	236
Куплеты жизнелюба	237
Жалоба полукровки	238
Прибаутки шута	238
Песенка влюбленного тучника	239

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Как меня пародировали. Новелла	243
Портрет	253
Смена возраста	255
Жалоба	256
«С понедельника, с понедельника...»	258
Фальшивая весна	261
Январь	262
«Как хорошо порою заболеть...»	263
«Я все еще, как прежде жил, живу...»	265
Кругосветка	267
316 «Я понял, что необразован...»	270

«Еще пишу, снимаю, сочиняю...»	272
«Не надо слишком быстро ездить...»	273
«Все беспричинно. Чей-то взгляд. Весна...»	275
«Осень начинается в горах...»	276
«Какие звонкие ребята...»	277
«Я тороплю и тороплюсь!...»	278
«Когда-то, не помню уж точно когда...»	280
Капризная память	282
«Я летал над ночную землей...»	284
«Лесная речка вьется среди деревьев...»	286
«Касса справок не дает...»	288
Сага о хорошем человеке	289
Детское	291
Уходящая натура	292
На покое	294
«Жить бы мне...»	295
На пятидесятилетие Леонида Филатова	297
«Все раньше темнеет, все позже светает...»	299
«Жизнь прожить — нехитрая наука...»	301
Ностальгия	303
Юбилейное	305
Ноябрь на Валдае	307
«Как сладки молодые дни...»	309

Рязанов Э.

Р 99 Музыка жизни : стихотворения / Эльдар Рязанов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 320 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-20061-6

Эльдар Рязанов — легендарный кинорежиссер, создатель культовых фильмов: «Карнавальная ночь», «Берегись автомобиля», «Старики-разбойники», «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Вокзал для двоих»... А также актер, сценарист, драматург, телеведущий, продюсер, педагог и поэт! Как признавался Эльдар Александрович, параллельно с его разнообразными занятиями он всегда вел своего рода внутренний монолог или даже лирический дневник. Так складывались стихи, в которых автор фиксировал то, что не нашло себе места в сценариях и фильмах. Эта книга — наиболее полный сборник стихов Эльдара Рязанова, подкупающе искренних и человечных; стихотворения перемежаются небольшими прозаическими новеллами с авторскими «предысториями». Отдельный раздел — стихи, положенные на музыку и ставшие любимыми всеми песнями: «У природы нет плохой погоды...» («Служебный роман»), «Я, словно бабочка к огню...» («Жестокий романс»), «Последняя любовь» («Старые клячи»), «Молитва» («Небеса обетованные») и многие другие.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)-5

Литературно-художественное издание

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

МУЗЫКА ЖИЗНИ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Антон Залозный, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.10.2021. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 12,9.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-PTR-28845-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/